

Е.А. Бембеева

Военнослужащие-калмычки на строительстве Широковской ГЭС в 1944–1945 гг.

В суровые годы Великой Отечественной войны в СССР продолжались политические и национальные репрессии. Вслед за упразднением Республики немцев Поволжья и Карачаевской автономной области была ликвидирована Калмыцкая АССР. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» 28 декабря 1943 г. началась операция по насильственному выселению калмыков с их исторической родины в обширные восточные районы страны.

Не довольствуясь проводимой политикой геноцида калмыцкого народа, сталинское окружение осуществило ещё один преступный акт. Решено было депортировать в тыл фронтовиков и военнослужащих калмыцкой национальности, расправиться с самой энергичной, зрелой, жизнеспособной частью народа. Депортации подверглись военнослужащие, принимавшие непосредственное участие в войне, служившие в тыловых частях, находившиеся на излечении в военных госпиталях, обучавшиеся в военных училищах, выполнявшие свой воинский долг в Монголии, воевавшие в партизанских отрядах в лесах Белоруссии, Украины, Польши и Франции [1, с. 30, 106–107, 138].

Основанием для отзыва с фронта и тыловых частей и направления в тыл военнослужащих калмыцкой национальности послужило распоряжение начальника VIII Управления Генерального штаба Красной Армии генерал-лейтенанта И.В. Смородинова от 8 января 1944 г. о демобилизации военнообязанных калмыков из рядов Красной Армии. Так, в конце зимы – начале весны 1944 г. начался второй этап депортации калмыцкого народа, который коснулся уже командиров, политработников, рядового и сержантского состав.

Командиры и политработники, собранные в Ташкенте и Новосибирске, вскоре были демобилизованы и направлены по месту жительства своих семей в Сибирь и Казахстан. Им хоть в этом «повезло».

Трагическая судьба была уготована рядовым, сержантам и старшинам калмыцкой национальности, которых вместо демобилизации передали из армии в распоряжение НКВД СССР и превратили фактически в заключенных. Под предлогом формирования национальной части их направляли в организуемую в Кунгуре Молотовской (ныне Пермской) области 7-ю запасную стрелковую бригаду. По распоряжению бригадного командования прибывших спешно и без каких-либо задержек, зачислив в 1 и 2-й строительные

батальоны, передавали «для трудового использования в Широковский исправительно-трудовой лагерь НКВД» [2, с. 4], за которым в обиходе, а затем официально утвердилось название «Широклаг», в то время как в НКВД СССР первоначально он именовался «Широковлаг».

Сначала Широковская ГЭС на реке Косьва проектировалась относительно маломощной и была рассчитана для обслуживания лагерей и колоний, находившихся в ведении НКВД и расположенных в округе. Мест заключений действительно было много: колония для особо опасных преступников, для политзаключённых, колония советских немцев, женские колонии, среди которых была так называемая материнская, в которой находились беременные и женщины с маленькими детьми [1, с. 33, 39, 54]. Условия жизни и труда бывших фронтовиков и военнослужащих на строительстве ГЭС почти не отличались от режима, установленного для заключённых, живших и работавших рядом, за исключением того, что калмыцкие бараки не были огорожены проволокой, их не окружали вышки с часовыми, а конвойные не сопровождали бойцов на работу и с работы.

Вместе с тем у заключённых имелось одно важное преимущество – они знали точные сроки пребывания за колючей проволокой. Бывшие фронтовики и военнослужащие не находили ответа на вопрос о том, в чём вина, не знали и того, сколько они здесь пробудут, что, естественно, действовало на всех крайне угнетающе.

О жестоком отношении сталинского руководства к собственному народу говорит тот факт, что женщины-калмычки, служившие в рядах Калмыцкой Армии, также оказались депортированными без суда и следствия.

На данный момент известны имена 15 женщин, испытавших на себе все ужасы и мучения узников Широкага. А.Т. Васьякаева, Т.А. Давинова, Д.Д. Джумалинова, П.М. Мацакова, М.Х. Монтиева, А.А. Назарова, И.С. Наранова, С.Н. Онджинова, Ц.Г. Очирова, Б.О. Саранкаева, Е.Л. Тагаева, Г.Б. Уланова, Э.Б. Хонинова служили в зенитно-артиллерийском полку №1568 телефонистками, зенитчицами, санинструкторами, Б.М. Иванова – телеграфисткой в 42-м отдельном полку связи, Е.В. Кудесинова – медсестрой в военном госпитале.

По прибытии девушек распределили работать на кухню, в прачечную, лазарет. Везде их ждал тяжелый физический труд. Прачка должна была за день вручную выстирать 75 пар белья, кухонная рабочая

по максимуму сохранить выданные продукты и обеспечить минимальнейший отход. Норма питания была наискуднейшей: кормили тухлой камбалой, суп варили из мёрзлых овощей: капусты, картошки, чуть-чуть заправляя растительным маслом, хлеба с примесью, который был похож на труху, давали по 200–400 г [4, с. 115–116]. Тяжело физически и особенно морально было тем, кто работал в лазарете. Каждый день видеть страдания и мучения больных людей, не имея возможности оказать помощь. Бесконечно больно было видеть истощённых людей во время медосмотров, точнее, во время активирования. Дистрофия была настолько сильная, что даже раздеться узники не могли сами. Девушкам приходилось, преодолевая стыд, раздевать их, а тех, кто не мог стоять, поддерживать, чтобы они не упали.

Много людей умирало – и в лазарете, и во время работы, ежедневно за 5–6 человек [1, с. 77]. По приказу главного врача санитарки были обязаны выносить тела умерших, предварительно сняв одежду. Дважды в день регулярно за покойниками приезжала тракторная тележка. Умерших хоронили в ямах, балках. Земля щебенистая, копать её трудно было, поэтому сначала взрывали динамитом, а потом делали большую могилу на 20–30 человек. Клади без гробов, в нижнем белье. Мария Монтиева, видя всё это на протяжении 4-х месяцев, заболела и вынуждена была проситься работать на кухню.

Говоря о Широклаге, не стоит забывать и о других узниках системы. 9 девушек-калмычек – Н. Палыева, М. Петкиева, А. Сангаджиева, З. Манджиева, А. Сангаджиева, В. Очирова, К. Гаряева, Н. Степанова, М. Сумьянова, служивших на флоте, отправили в отдельную строительную роту инженерного отдела Центрального района ВМФ, состоявшую из 26 человек. Более года в зимнюю стужу, осеннюю сырость, одетые в лёгкие шинели и короткие ботинки они занимались заготовкой корабельного леса, вязали плоты из огромных сосен, доставляли заготовленную древесину к железной дороге на лесозаготовительный пункт. В отличие от фронтовиков, трудившихся в Широклаге, представители этой трудармии носили форму, но ходили без оружия. В таких тяжёлых условиях они работали до конца 1945 г., а потом были направлены под надзор комендатур по местам выселения их родных [3, с. 2].

А. Бадаеву, Н. Текееву, Т. Гаряеву, принимавших участие в Сталинградской битве, весной 1944 г. отозвали и направили в Широлаг, но по дороге из группы в 43 человека этих девушек оставили работать в режимном химлесхозе НКВД, где они трудились фактически на положении заключённых до декабря 1944 г., пока не были отпущены.

Калмыков-фронтовиков отзывали в тыл под предлогом создания калмыцкой национальной части на Урале. Военнослужащие встречали эти разъяснения в основном с удовлетворением. Но уже в дороге у многих появились сомнения, а по прибытии в Широлаг все поняли, что их обманули, потому что они

попали в зону, которая создавалась для строительства Широковской ГЭС. Это глубоко оскорбило фронтовиков. Отозванные с фронтов воины и курсанты были, как правило, физически здоровыми людьми, участвовавшими во всех крупнейших сражениях Великой Отечественной войны, имевшими награды. Так, С.А. Бадмаев был награждён двумя орденами Красной Звезды и медалью «За отвагу», Т.О. Бадыков двумя орденами Красной Звезды и медалью «За оборону Сталинграда», О.-Г. Ц. Болдырев – орденом Ленина, П.Т. Джалхаев уничтожил со своим отделением две батареи противника, которые сдерживали наступление армии, был представлен к званию Героя Советского Союза. Но побоялись дать это звание представителю выселенного народа и наградили его орденом Красного Знамени [2, с. 34, 37, 91].

Необходимо отметить, что каждый, кто прибывал в Белую Церковь, проходил перекомиссовку. Инвалидов, больных, раненых отправляли в Новосибирск, а здоровых – на ст. Половинка. И вот эти молодые, здоровые люди таяли на глазах. Климатические условия были тяжёлыми, непривычными для степняков-южан: весной и осенью – непрерывные ливневые дожди, зимой – крепкие морозы до -50°C и двухметровый снежный покров. Самой главной бедой было скудное питание, которое не шло ни в какое сравнение с армейским. От плохого питания, тяжёлых условий труда, бытовой неустроенности, отсутствия медико-санитарного обслуживания люди постоянно болели и умирали. Ситуацию усугубляло постоянное подавленное состояние, вызванное осознанием творящейся несправедливости: отзыв с прежнего места службы или учёбы, пребывание в исправительно-трудовом лагере фактически на положении заключённых, известие о выселении калмыцкого народа, в том числе их родных и близких, отсутствие связи с ними. Людей «косили» дистрофия, туберкулез, пневмония, различные желудочные заболевания. Например, орденосец П.Т. Джалхаев, 23-летний здоровый парень, пробыв в лагере полгода, умирает от двусторонней крупозной пневмонии и туберкулёза гортани при крайнем истощении организма. М.О. Очиров прибыл в Широлаг 12 марта 1944 г., а уже 28 апреля 1944 г. скончался от пневмонии [2, с. 91, 194].

Все прибывшие в Широлаг женщины остались живы и выехали к родственникам. Они выдержали потому, что у них была работа полегче, но главное – они были в тепле. Тем не менее урон их здоровью был нанесен существенный. 22-летняя Полина Мацакова уехала из лагеря с пороком сердца и позже скончалась в Сибири [2, с. 76].

Мужчины пострадали намного больше, много их полегло на суровой уральской земле. Точных цифр умерших мы, наверное, не узнаем никогда. Работавший в отделе статистики штаба Широлага Н.К. Шарпов привёл следующие цифры. Общее количество калмыков было 3600, из них за год умерло 911 [2, с. 138]. Девушки, работавшие в лазарете, говорят о 4–5 умирающих каждую ночь. Кроме того, были по-

гибшие при взрывных работах, крушениях составов, завалах в забое [2, с. 241, 130, 210], т.е. те, которых хоронили сразу, минуя лазарет. По воспоминаниям Г.Б. Улановой, к концу войны в лагере оставалось не более 600 человек [2, с. 118].

В Книгу Памяти «Широклаг» вошло 3035 человек, из них умерло 138 человек, а 469 человек были активированы. Судьба многих неизвестна, так как отчётность велась довольно небрежно – отсутствуют даты прибытия, нечётко написаны имена, нет даты выбытия или смерти, причины смерти также не всегда записаны, как и то, куда человек выбыл. Многие «широклаговцы» не были зарегистрированы, хотя эти люди прошли ад лагеря. Установить точное количество прибывших, отправленных после получения инвалидности к своим семьям, заболевших, преждевременно умерших не представляется возможным. Много узников погибло в нечеловеческих условиях лагеря безвестными, так как администрация Широклага, вероятно, скрывала истинные размеры трагедии. Данные, вошедшие в Книгу Памяти, нельзя считать полными, ведь если взять только одну графу «активированные», то при анализе видно, что до 3 месяцев были активированы только 5 человек, в то время как из первой, самой большой, партии прибывших в феврале-марте 1944 г. через месяц было отправлено Половинкинским РВК Молотовской области в распоряжение отдела спецпоселений НКВД Новосибирской области 187 калмыков. Все они были признаны негодными к физическому труду на основании действовавшего расписания болезней ГУЛАГа НКВД СССР [2, с. 4] (табл. 1–2).

Таблица 1
Количество умерших и активированных в течение определенного периода¹

Срок	Активированные	Умершие
до 3 мес.	5	13
до 6 мес.	87	43
до 9 мес.	361	62
до 12 мес.	16	20
ИТОГО:	469	138

Из приведенных данных видно, как с течением времени увеличивается число жертв, но даже те, кто был отпущен с отметкой «демобилизирован», по приезду к родным имели такой жалкий вид, что их не узнавали.

Всем выжившим военным служащим выдавались пропуска и справки как гражданам, работавшим в конкретно указанные сроки в строительных баталь-

Таблица 2
Количество умерших и активированных по возрасту²

Возраст (лет)	Умершие	Активированные	Возраст (лет)	Умершие	Активированные
До 20	12	63	45	10	62
25	23	46	50	23	81
30	24	52	55	4	36
35	20	61	60	---	2
40	22	66	ИТОГО:	138	469

онах и направляемым по месту жительства их семей с обязательством явки в органы НКВД. По прибытии на места и представлении справок с пропусками у них отбирали военные билеты, которые обычно тут же уничтожались. Военнослужащие становились спецпоселенцами с ограниченными гражданскими правами, попадали под жесточайший надзор спецкомендатур.

Несмотря на суровые испытания, которые пришлось выдержать вчерашним воинам в уральской тайге, они в подавляющем большинстве проявили лучшие человеческие качества: порядочность, упорство, волю, жизнестойкость, приобрели определённые навыки и опыт, использованные в послевоенном развитии народного хозяйства Сибири и Дальнего Востока, а после восстановления национальной автономии калмыцкого народа – в экономическом и культурном возрождении республики.

Сохраняя в своей памяти унижения и муки пребывания в Широклаге, бывшие военнослужащие были вынуждены долгие годы хранить молчание. Люди, пережившие ад, все в один голос говорят: «Многое забылось, да и сами старались забыть этот кошмар. Никому ничего не говорили, только в кругу семьи», однако даже в разговорах с родными об этом умалчивали.

Данара Джумалинова, выйдя замуж в 1947 г. за И.К. Кистерова, рассказала ему обо всем только после возвращения калмыков из Сибири [1, с. 58]. Все это привело к тому, что ни общественности, ни многим их родным и близким ничего не было известно. Благодаря начавшемуся в конце 80-х – начале 90-х гг. процессу реабилитации репрессированных народов «широклаговцы» в настоящее время признаны жертвами политических репрессий.

Все меньше и меньше остается в живых свидетелей трагедии, они не хотят вспоминать о страшном прошлом, но мы обязаны знать эту горькую правду, дабы не допустить повторения лишений и несправедливости, порожденных режимом произвола и беззакония.

Библиографический список

1. Книга памяти. – Элиста, 1994. – Т. 3. – Кн. II.
2. Книга памяти. – Элиста, 2000. – Т. 3. – Кн. I.

3. Хаптаханова, М. У войны не женское лицо, а в экипажи набирали девушек / М. Хаптаханова // Известия Калмыкии. – 1996. – 19 окт.

¹ Подсчитано автором по [2].

² Подсчитано автором по [2].